

РВЪ

Основано Ю. В. Бюкомъ

Цена отд. № въ С.-Петербургѣ и въ провинціи 5 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.
Въ Россіи . . . Р.	12.—	11.—	10.—	9.—	8.—	7.—	6.—	5.10	4.15	3.15	2.15
За-границу . . Р.	20.—	18.50	17.25	15.75	14.25	12.75	11.—	9.50	7.75	6.—	4.—

Для сельскаго духовенства, сельскихъ учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 м.—9 р. 9 м.—6 р. 75 к.; 6 м.—4 р. 50 к.; 3 м.—2 р. 40 к.; 1 м.—85 коп.

Подписываться можно на всѣ сроки, но не иначе какъ съ 1-го до 1-го числа и не далее какъ до конца года.

Въ кредитъ, наложеннымъ платежомъ и въ разсрочку газетъ не высылается.

При перемѣнѣ адреса, возобновленіи подписки и всякаго рода справкахъ и просьбахъ городоникъ, подписчиковъ сообщать № нумерации, а иногороднихъ—адресъ и №, указанный на ярлыкъ, или прислать бандероль, подъ которой высылается газета.

Каждая перемѣна адреса: петербургскаго на петербургскій—10 коп., въ остальныхъ случаяхъ—40 коп. (можно почт. марками). При перемѣнѣ адреса изъ Россіи за-границу доплачивается еще разница между подписной цѣной. Подписная плата марками и купонами не принимается.

За-границей на газету „Рѣчь“ можно подписываться: въ Германіи Австро-Венгріи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Сербіи, Болгаріи, Румыніи и Черногоріи—въ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденіяхъ, а въ Турціи и Греціи черезъ посредство германскихъ или австрійскихъ почт. учреждений. Въ этомъ случаѣ, въ виду сокращенія расходовъ на пересылку, подписная цѣна значит. ниже вышеуказанной—при выпискѣ газетъ изъ главной конторы.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И ГЛАВН. КОНТОРЫ: Спб., ул. Жуковскаго, 21; для телеграммъ: Спб., Рѣчь. Телефоны редакціи 7-28 и 7-97; главной конторы 445-04.

ГОРОДСКАЯ КОНТОРА: Спб., Невскій пр., 13, ул. Морской ул. вблизи маг. Лав М. О. Волкова. Тел. 420-87.

РЕДАКЦІЯ для приема объявленій открыта ежедневно отъ 9 до 4 дня, кромѣ праздниковъ. Рукописи разбираться могутъ только лично, представленные въ редакцію и приложенныя подробными для печатанія, употребительными.

ГЛАВН. КОНТОРА открыта отъ 10 до 5 ч. (отъ 15 мая по 15 авг. отъ 10 до 4 ч.). На предѣлахъ отъ 1 до 3 ч. По воскрес. и другимъ праздн. контора закрыта.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Впередъ гонимъ—70 коп., позади гонимъ—35 к. за строку конпарате. Объявленія о книгкахъ и журналахъ по субботамъ къ 1-ой стр. на цѣнѣ послѣдней.

Объявленія врачей и аптекарей позадѣ гонимъ въ отдѣлѣ „Врачебный Указатель“—15 коп. за строку, а при мѣсячн. выпискѣ при условіи ежедн. печатанія—12 коп.

Мелкія объявл. позадѣ гонимъ въ 1 колонку до 10 строкъ и строкъ и предѣ гонимъ 3 строки 25 к., заглавн. строка сверхъ того—10 к.; 6) наемъ и оплата помѣсть, квартиръ и т.д.—15 к. за кажд. строку.

За объявленія въ надѣ вилладіи, прилож. къ газетѣ: въ томъ до 1 стр. за 100 р.—10 р., за кажд. стр. сверхъ того—2 р. 50 к. за тис.

Марками и купонами плата за объявл. не принимается.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ главной конторѣ „Рѣчи“—ул. Жуковскаго, 21; тел. 167—76; въ городской конторѣ „Рѣчи“—Невскій, 13, ул. Морской ул., вблизи маг. Лав М. О. Волкова; тел. 420—87 и въ Центральной конторѣ объявленій: маг. Дома Л. и Э. МЕТЦЛЬ и № Спб., Морская, 11 (тел. 9—88); МОСКВА—Мясницкая, 11; СМТОВА; ВАГ ШАВА—Маршальская, 13; ПОСЛѢ 5 ч. д. неотложныя объявленія могутъ быть приняты въ наборную газету „Рѣчь“, ул. Жуковскаго, 21; тел. 7—28.

Смерть Чехова.

I.

Я довольно хорошо помню утро, когда мы выехали с Арбата на Николаевский вокзал, встречать гроб Чехова. Тогда не было еще в Москве трамвая. Свормный извозчик, на желтых шинях, вез нас через Кремль. Возло уже солнце. Синяющая дымка, голубой тумань стлалась над Александровским садом, когда медленно въезжали мы от манажа в Троицкий воротах. Помню — именно на этом подъеме, между белых, итальянских зубцов, слезы стиснули горло.

Но хотѣлось держаться. Впереди еще прибытие поезда, долги, для Чехова как бы крестный путь через всю Москву, въ Новодевичий монастырь.

На вокзалѣ былъ народъ. Молодежь, кое-кто изъ литераторовъ, но немного.

Подождалъ поезде; суетилась, переводили вездѣ и впередъ товарный вагонъ съ гробомъ. Толпа стала гуще; ее осаживали жандармы?

Наконецъ, на полотенкахъ вынесли изъ вагона тяжелый предметъ; гдѣ-то сбоку фотографировали; все было безъ шляпъ, среди людей звяки и ленты съ надписями.

Потомъ безпорядочное движеніе черезъ вокзалъ, тѣснота, я, наконецъ, площадь, стертые небо. Гробъ везли на руки студенты, в процессіи двинулась. Шля, в очереди подставляла плечи подъ тяжелый край гроба. Какъ другіе, подставляла и я. Снова надо было яриться, изо вѣхъ вѣтъ. Минута торжественная. Какъ рассказывать о томъ, что чувствуешь, шагая на дыночкахъ (студенты были выше меня) въ толпѣ, безъ шляпъ, подъ отиратыми небомъ, поддерживая прахъ того, кого въ своей молодой еще жизни считалъ любимѣйшимъ и прекраснѣйшимъ писателемъ?

Я вѣрно знаю одно: въ тотъ день надъ Москвою было необыкновенно высокое, светло-облачное и покойное небо. Въ него хорошо было глядѣть и шагать подъ заубойное пѣніе, подъ шорохъ, толпоту толпы.

На Домниковской улицѣ — какъ всѣ въ Москвѣ знаютъ — очень плохенький и грязный, неизлѣпный мастеровой, высунувшись изъ подвального этажа, спросили: «Почему такъ много звяковъ? Не генерала ли хоронятъ?» Узнавъ, что писателя, не понявъ и удивился.

На углу Мясницкой и бульвара я запомнилъ Горькаго. Кажется, онъ одинъ былъ изъ писателей на этихъ похоронахъ. Впрочемъ, изъ чисто-московскихъ людей присутствовалъ еще покойный Гольцевъ.

Съ Лубянской площади я уѣхалъ домой, на часъ, полтора. Потомъ былъ въ Девичьемъ монастырѣ. Слушалъ обидно, стоялъ въ густой толпѣ у могилы и слышалъ рѣчи, говорившія надъ ней. Это было слабо и неумно. Хорошо были дождичекъ, покрывшія насъ; хороши были главы Девичьяго монастыря. Хорошо пахли моряки деревья. А позже, когда устали и взволнованные, мы разошлись, хлынулъ настоящій, бурный июльскій ливень. Чеховъ сталъ исторіей.

II.

Я мало зналъ его, и не могу рассказать о немъ меньше, чѣмъ другіе. Все же въ пору юности, когда мы податливы воздействию, онъ предо мною явился, и возлюбилъ. Тѣмъ волнею, которое есть волненіе любви; быть можетъ, оно даетъ право вспомнить мелкия, будто бы случайныя черты.

Мое знакомство съ Чеховымъ довольно курьезно. Лѣтъ четырнадцать назадъ близкій человекъ просилъ меня посмотреть нѣсколько имѣній, продававшихся подъ Москвой (съ дѣлью купить). Отчасти подобно Чичикову, я задумалъ.

И вышло такъ, что продавалось чеховское Мелихово, подъ Лопасней. Разумѣется, я полетѣлъ.

Но какъ разъ Чехова дома и не оказалось, и сразу же выяснилось, что имѣніе не подходящее. Его нельзя было купить. Тутъ я немного смоенничалъ: ваялъ у Марьи Павловны московскій адресъ Антона Павловича, чтобы хоть тамъ увидать его подъ предлогомъ дѣла.

Черезъ нѣсколько дней, въ пыльной и вонючей Москвѣ, въ Десятинномъ переулкѣ мнѣ отворилъ дверь высокій человекъ безъ воротничка, со спутанными волосами. Вотъ онъ Чеховъ! Онъ придерживалъ рукою горло, говорилъ извѣстными словами басомъ и разсматривалъ. Такимъ онъ и долженъ былъ быть; онъ меня не удивилъ и не разочаровалъ. Тѣ же глаза, что я зналъ въ его писанинѣ, тотъ же ритмъ рѣчи. Та же одежда. Онъ написалъ нѣсколько словъ объ имѣніи на бумажкѣ. И почеркъ такой, какъ нужно: очень мелкій, съ изящнымъ рисункомъ буквъ. Все-таки я не выдалъ себя; не сказалъ, что пишу. Можетъ быть, впрочемъ, онъ кое-что заподозрилъ.

Онъ ничего не говорилъ особеннаго, но съ этого раза я уже ему при и а д л е ж а л а. Когда въ газетахъ встрѣчалась его фамилія, — холодѣлъ. Вдрагивалъ, когда столкнулся съ нимъ два въ лѣтнемъ театрѣ. Казалось, что самое прекрасное — быть похожимъ на него хоть нѣсколько.

И когда въ августѣ мнѣ пришлось быть въ Ялтѣ, я не могъ удержаться отъ мучительнаго желанія видѣть его. Я отправилъ ему письмо, и онъ вызвалъ меня въ отелъ въ телефону. Въ письмѣ обозначилось мое имя и отчество, но когда низкій, знакомый голосъ называлъ меня и трубку полностью, я чуть не завертелся отъ гордости, восторга.

«Онъ знаетъ, какъ меня зовутъ!» Вотъ въ чемъ была гордость. Я нанялъ извозчика и поѣхалъ въ Аутку. Многие знаютъ — дача Чехова ниже дороги, за рѣшеткой. Я проѣхалъ все это. Въ передней виллы, аккуратной и чистой, какъ самъ хозяинъ, я столкнулся съ другимъ молодымъ человекомъ: онъ былъ совершенно похожъ на меня, съ трубкой рукою въ рукахъ, и такимъ же воспаленнымъ взоромъ.

Чеховъ сидѣлъ на турецкомъ диванѣ, въ нѣтъ у окна. Въ окно были видны горы. Горло у меня пересохло.

Я пробормоталъ что-то, что о бычно бормочется въ такихъ случаяхъ. Чеховъ спросилъ:

— Для печати?
Я отвѣтилъ:
— Нѣтъ.
Онъ надѣлъ пенсне, взялъ рукопись и сказалъ довольно покойно:
— Я прочту черезъ три дня.

Несомненно, плохо было отнимать его время на чтеніе полудѣтскихъ упражненій. Но, вѣроятно, пока есть писатели большіе, которые охватываютъ собою начинающихъ и малыхъ, начинающие и малые будутъ къ нимъ ходить, краснѣть, волноваться и ждать приговоровъ. Пусть большіе будутънисходительны къ нимъ; пусть не скупятся разбрасывать искры своего обаянія — это высокій Божій даръ. Разумѣется, черезъ три дня я сидѣлъ на

томъ же стулѣ. Былъ болѣе поздній часъ Горькіи двѣ свѣчи на столѣ. Чеховъ смотрѣлъ на меня съ дивана и молчалъ. Потомъ сказалъ:

— Напишите повѣсть или рассказъ. И пожалуйста мнѣ. А въ дневникъ можно, что угодно вписать. У васъ и про Мопассана и про Достоевскаго. Повѣсть пожалуйста.

То, что онъ читалъ, было подражаніе (въ наивной формѣ) ему, мяось — грубо-ватый и крайній натурализмъ. Была и мысль, казавшаяся гениальной: что проституція столь же почетный трудъ, какъ и всякій другой.

Онъ замѣтилъ это. Сказалъ такъ:
— Когда будете старше, то поймете и извините мнѣ.

Онъ прибавилъ еще два-три слова ободренія и замолчалъ. Я пытался что-то говорить, но неудачно. Наконецъ, мнѣ представилось умѣстно и прилично спросить: какъ пишете онъ самъ: все ли съ натурой или нѣтъ?

Ему какъ разъ это и не понравилось. Онъ отвѣтилъ сурово:

— Если у меня пять пальцевъ на рукѣ, такъ я и не могу сказать, что шестъ.

Но потомъ показалъ мнѣ свою виллу, сталъ опять привѣтливѣе; кой о чемъ спрашивалъ. Чтобы окончательно покоришь «юношу съ рукописью» — надо не очень много. Все же полубольному, усталому человеку приходится искать въ себѣ участія, нѣкотораго тепла для пришедшаго. Чеховъ достигъ этого простыми, почти скудными средствами. И я, и, вѣрно, студенты, являвшійся тогда, — мы уходили въ томъ душевномъ подъомѣ, который расцвѣчаетъ жизнь, дѣлаетъ ее острѣе и напряженнѣе.

Еще я видѣлъ его два раза въ городскомъ саду Ялты. Затѣмъ разъ ночью, на скамейкѣ у моря; онъ опирался на палку, былъ въ пальто, шляпѣ; въ позѣ одиночества и задумчивости.

А когда черезъ четыре года мнѣ пришлось встрѣтить его въ Москвѣ, въ литературномъ салонѣ, это былъ уже другой Чеховъ. Какъ Иверскую, въ комнату подъ руки ввели художю, очень блѣднаго человека съ землемытымъ лицомъ. Весь вечеръ онъ молчалъ, хотя былъ главнѣйшимъ лицомъ вечера. Тогда шелъ «Вишневы садъ» (впервые). Огромная, всероссійская слава предстала предъ нимъ. Вѣрно, онъ чувствовалъ уже давнѣйшій вѣнокъ на челѣ, теперь смертельно блѣдномъ. Но, думаю, зналъ, что его жизненная партія проиграна безвозвратно. Онъ не сдавался. Выдержано, покойно, какъ писалъ, какъ являлъ, какъ философъ, давно познавшій прелесть и тиету мира, и въ чловѣкѣ, быть можетъ, смутно надвигавшемся увидѣть загробомъ «все небо въ алмазахъ», — ждалъ онъ финальнаго удара.

III.
Частью изъ скромности, частью, быть можетъ, изъ того большаго, но сдержаннаго самолюбія, которое склонно пренебрегать, Чеховъ говорилъ: «Меня будутъ читать семь лѣтъ послѣ смерти». Это оказалось неверно. Для многихъ и при жизни его, а теперь, думаю, уже для всѣхъ ясно, что онъ относится къ угодишкамъ, такъ сказать, столпамъ русской литературы. Безъ него нашъ иконостасъ не полонъ. Онъ глубоко проникъ собою нашу культуру, и умереть лишь тогда, когда погибнетъ русская національность, русскій языкъ. А это дѣло далекое.

Долгая жизнь его произведенийъ зависть, во-первыхъ, отъ того, что они, какъ бы нѣкоторымъ смертеупорнымъ эвропомъ проникнуты духомъ поэзіи. Всѣ они родились въ сдержанномъ поэтическомъ волненіи, среди извѣстныхъ духовныхъ вибрацій — источника искусства. Это

волненіе передается черезъ время всякому, у кого есть въ душѣ приемникъ — совершенно подобно безпримечному телеграфу. Такъ доходятъ до насъ древніе поэты, хотя жилая, быть, правы ихъ временн умерли. Мнѣ буждъ Парижъ XV вѣка; я никогда не былъ воромъ, убійцей, и не собираюсь, пока что, дѣлаться ими. Но, читалъ Франсуа Виллона, я понимаю и мнѣ правятся даже его бродяги, сутенеры, преступники — тѣ, кого безъ разгоровъ колесовали и вѣшали. Миръ людей Чехова не имѣетъ единой черты общій съ этимъ миромъ, вромъ того, что оба создателя — поэты. Но черезъ очень много лѣтъ чловѣкъ такъ же выволнуется отъ чеховскаго «Архерея», или «Смитою ночью», отъ «Чайки».

Д л я р у с с к и хъ долгая жизнь писаній Чехова связана еще съ тѣмъ, что онъ воплощалъ собою нѣкоторыя коренныя черты русской души. Поэтому, думаю, его будутъ читать не только любители, но и о б щ е о т в о т в ѣ, кто въ писателѣ непременно ищетъ кусочекъ себя. Было мнѣніе, что Чеховъ умеръ во-время. Съ революціей русская жизнь настолько измѣнилась и переломилась, что «чеховское» должно на нѣтъ уйти. И самъ онъ былъ бы не къ мѣсту, и произведенія его стали-бы непоняты.

Такъ думали и говорили тѣ, кто полагають, что съ завѣтнаго дня все прежнее отмиается, и начинается все новое. Пржнее было чепухой, а вотъ настоящее начнется съ 12-го числа.

Еслибъ даже и такъ случилось съ жизнью, Чеховъ все-таки не былъ бы отиженъ. Какъ поэтъ, онъ продолжалъ бы жить. Но никогда не бываетъ такъ, какъ мечтали наши революціонеры и нѣкогда ихъ французскіе собраты. И в о с р е д с т в е н н о наша революція измѣнилась мало. Но, правда, достигла съ японской войной, смерти Чехова и революціи до нашихъ дней было значительнымъ — порубельнымъ въ русской жизни. Его контрастъ съ предыдущимъ приводитъ къ вопросу не о томъ, отъ иется ли Чеховъ (вопросъ нелѣпный), а насколько Чеховъ противостоитъ современности. Кто сейчасъ его враги? Кто, наоборотъ, за него?

Что въ формы нашей государственной и общественной жизни стали проникать европейскія начала — это не идетъ наперекоръ Чехову. Самъ онъ строилъ школы; работалъ въ земствѣ, былъ вѣрно привязанъ къ мужицкой Россіи и стоялъ за гуманитарную цивилизацію. Онъ видѣлъ вокругъ много горькаго и грубаго, и въ предсмертные годы, когда, быть можетъ, сталъ нѣсколько романтичнѣе, былъ склоненъ фантазировать, что черезъ двѣсти, триста лѣтъ люди будутъ счастливы: увидутъ мрачныя несовершенства обществитя. Врядъ ли когда-либо настанетъ вѣкъ счастья; но разъ чловѣкъ признавалъ влияние формъ жизни на ея содержаніе, значить, ему печужда была тенденція благоустройства общественаго.

Я думаю, что настоящая общественность Чехова заслонить не можетъ. Явленія, враждебныя ему въ современной жизни, пришли вмѣстѣ съ демократизаціей, но с б о к у. Вотъ нѣкоторыя черты: улица, кинематографъ, спортъ, бульварная пресса: бульварная психологія, вообще, духъ ащанства, значительно возросшіи. Тѣмъ, кто танцуетъ танго, катаетъ я на скетингъ-ринкахъ, читаетъ Джека Лондона, посѣщаетъ театры миниатюръ, волнуется изъ-за футбольныхъ матчей — тѣмъ не до Чехова, и не до литературы вообще. Для вѣхъ Чеховъ враждебенъ. Въ немъ слишкомъ много духовнаго. Да и идеи не тѣ.

Однако, не всею жизнью завладѣли эти люди. Есть молодежь и серьезная, культурная. Быть можетъ, си культурность

даже выше, чѣмъ у прежней, политической молодежи. Нынѣшніе хороши юности обращены, кажется, болѣе въ сторону философіи, искусства, религіозныхъ настроеній. Сами эти дѣла таковы, что не производятъ грома. Если люди много читають, собираются, въ философскіе кружки, мечтають о заграничѣ, — это не такъ замѣтно, какъ устройство сходокъ.

Не оскудѣла наша земля и предѣстными женщицами — ея давней, великой славою. Сердца страстныя и томившіяся, стыдливыя, щедрныя, чувствительныя, возвышенныя и склонныя къ аскетизму, — вся эта женская колыбель русской цивилизаціи — за Чехова. Сила такихъ союзниковъ не мала. Ибо если считать, что женщины обладаютъ половиной міра, то въ Россіи онѣ владѣють тремя четвертями. Какія бы онѣ ни надѣвали шляпы, на какихъ бы вавлукахъ ни ходили, какъ бы ни бра-вировали нѣкоторыми вещами, ихъ сердца всегда близка будетъ поэзіи Чехова. Ибо тотъ, кто много чувствуетъ, всегда будетъ много страдать, мечтать, томиться. Будетъ онъ меланхоличенъ, неудовлетворенъ и склоненъ къ живности. Въ Чеховѣ наддегъ с в о е .

IV.

Что было бы, еслибъ Чеховъ жилъ теперь, среди насъ?

Я думаю объ этомъ слѣдующее: во-первыхъ, это была бы центральная фигура нашей словесности. Сейчасъ, за смертью Толстого, нѣтъ короля литературы.

Имѣть былъ бы Чеховъ, — даже если предположить, что какъ художникъ онъ не шелъ бы впередъ. А при жизни онъ именно неизменно в о о х о д и л ѣ; его работа съ каждымъ годомъ становилась артистичнѣе, тоньше и глубже. Надо полагать, что и за эти десять лѣтъ онъ съ прочной медленностью поднимался бы на гору художническаго чистилища (подобно грѣшной душѣ, артистъ искупаетъ свои недостатки работою, творчествомъ; такъ Ибсену лишь въ послѣдніе годы жизни было дано создать свои величайшія вещи. Написавъ «Когда мы мертвые проснемся» — онъ долженъ былъ перешагнуть въ третье царство).

III.
Прошло десять лѣтъ, какъ его нѣтъ. Всѣ мы успѣли прожить, такъ или иначе, эти годы, нѣсколько постарѣть, быть можетъ, погрузить въ жизненномъ дымѣ. Хочется оглянуться на того, кого любилъ въ молодости — и не разлюбилъ. Хочется, чтобы его тѣнь не осудила строго за не-праведное, что есть въ насъ. Хочется, въ память его, стать немного лучше. Тотъ, кто жилъ, знаетъ, какъ это трудно. Но будемъ все же надѣяться.

Бор. Зайцевъ.